

ПОСПЕЛОВА Ольга Владимировна, аспирант кафедры литературы института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор одной научной публикации

ЭЛЕМЕНТЫ МИФОЛОГИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ПРИШВИНА И Е. ЗАМЯТИНА О РУССКОМ СЕВЕРЕ

В статье анализируются элементы мифологизма в произведениях М. Пришвина и Е. Замятина – создателей Северного текста русской литературы. Автор статьи обращается к очерковым произведениям М. Пришвина «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908), а также к повести Е. Замятина «Север» (1918), рассказам «Кряжи» (1915), «Африка» (1916), «Ёла» (1928). Художественная структура рассматриваемых произведений во многом уподобляется мифологической структуре, что происходит благодаря трансформации линейного времени в циклическое, особой синкретичности художественного пространства, появлению элементов фантастического и чудесного, мифологическому принципу создания образов персонажей, наличию в тексте данных произведений мифологических мотивов и мифологем. Анализ мифопоэтических элементов позволяет сделать вывод о том, что их использование в художественной ткани произведений гармонично сочетается с философской идеей всеединства, которая была близка Пришвину. Мифотворчество М. Пришвина – это особый способ освоения и познания мира, тогда как Е. Замятин реконструирует мифологическое сознание, его мифологизм – это в большей степени художественный прием, который позволяет реализовать идею синтетизма, разработанную писателем в его теоретических трудах. Мифопоэтическая модель художественного мира Замятина основана на метафоризации, мифологическом хронотопе, особой структуре субъективно-авторской организации. Мифопоэтические элементы могут проявляться на различных уровнях структуры текста рассмотренных произведений: в сюжетно-композиционной организации, в пространственно-временном плане, а также на уровне авторского присутствия или образной системы. Мифопоэтический характер многих элементов художественного мира как Пришвина, так и Замятина рассматривается в данной статье как некий интегрирующий фактор, потому как именно мифологичность во многом способствует созданию единой художественной системы в творчестве этих писателей. Произведения Пришвина и Замятина впервые сопоставляются в рамках изучения Северного текста русской литературы как локального сверттекста.

Ключевые слова: мифологизм, мифологическая структура, онтологизация имени, закон метаморфоз, синкретичность пространства, всеединство, идея синтетизма.

Мифопоэтический характер многих элементов художественного мира как М.М. Пришвина, так и Е.И. Замятина можно рассматривать как некий интегрирующий фактор, т. к. мифологичность во многом способствует созданию единой художественной системы в творчестве этих писателей.

В художественной картине мира Пришвина реальность, миф и сказка «перетекают» друг в друга, создавая неповторимо-сложный рисунок глубинных подтекстовых смыслов. Исследователи неоднократно отмечали, что способность мифологического видения мира стала пришивинским способом проникновения в глубинную сущность вещей и особого осмысления им действительности.

Существуют две возможности истинного постижения жизни – либо научным, логически-целесообразным, рассудочным способом, либо интуитивно-мифологическим. Такая проблема стояла и перед Е. Замятиным, который утверждал: «Творческий процесс происходит главным образом в таинственной области подсознания. Сознание, *ratio*, логическое мышление играет второстепенную, подчиненную роль <...> Мысль человека в обыкновенном состоянии работает логическим путем, путем силлогизмов. При творческой работе – мысль, как во сне, идет путем ассоциаций»¹.

Поэтому и М. Пришвин, и Е. Замятин, отдавая предпочтение интуитивно-стихийному постижению мира, обращаются к мифу как к выражению глубинного, бессознательного, генетически родственного одновременно всем людям, миф позволяет совмещать временные и пространственные пласты, допускает перемещения во времени и мгновенные перемещения в пространстве. Вот почему взгляд автобиографического героя Пришвина в очерковых произведениях о Севере «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком» неоднократно устремляется в глубь веков и предметы,

окружающие его в настоящем, нередко начинают приобретать оттенок вневременности, становясь проводниками смыслов, создавая тем самым ощущение параллельного присутствия мифологического времени. Так, во время поездки по Выгозеру повествователь, к своему удивлению, обнаруживает, что лодка, на которой они плывут, «без единого гвоздя сделана» и «сшита» вересковыми прутьями. Это заставляет автора вспомнить, что и Ноев ковчег, как гласит предание, был выстроен так же. Еще один пример обращения к прошлому есть в повести «За волшебным колобком» – поездка по Северной Двине: «Это не снег, это алебастровые горы Северной Двины. Они становятся все выше и выше, лес исчезает, и вот мимо меня плывут странные фантастические строения, дворцы, башни, крепостные полуразрушенные стены, плывут нескончаемой вереницей, причудливой, постоянно изменчивой формы. Я где-то у стен Колизея»². В этом примере настоящее на глазах читателя «перетекает» в далекое прошлое.

Подобное проникновение в глубь времен оказывается возможным во многом благодаря тому, что Север видится Пришвину таким местом, «где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесовую и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, – словом, живут почти что первобытной жизнью»³.

Можно говорить о том, что художественная структура рассматриваемых нами произведений в некоторой степени уподобляется мифологической структуре. Один из основополагающих признаков подобной структуры – трансформация линейного времени в постоянно возобновляемое циклическое, которое и открывает выходы в область вечности.

В рассказе Е. Замятина «Африка» отношения героев развиваются в соответствии с природным календарем: мечта о поездке в Африку и любовь к Яусте зародились весной; затем наступило

¹Замятин Е.И. Психология творчества // Литературная учеба. 1988. Кн. 5. С. 137–138.

²Пришвин М.М. За волшебным колобком (Повести). М., 1984. С. 94.

³Там же. С. 2.

короткое северное лето: «уходила весна, девушка застенчивая; аукало за лесом лето, с ночами голыми, белыми, с бесстыдным солнцем ночным»⁴; сомнения в существовании Африки и разлад в семье произошли осенью: «Мгла засеялась, не разобрать – где небо, где море: никто уж теперь не приедет...»⁵; зимой – болезнь Фёдора; вновь наступившей весной – выздоровление и гибель героя: «Есть Африка. Фёдор Волков доехал»⁶.

Жизнь и быт героев других рассказов Е. Замятина также подчинены природному календарю и календарю хозяйственных работ и промыслов. Так и в очерках Пришвина жизнь северян всегда описывается в строгой взаимосвязи с природным циклом: каждому делу свое время – время сеять хлеб, ловить рыбу, сенокосить: «...совершенно так же, как это делалось и двести, и триста лет назад»⁷.

М. Элиаде подчеркивал, «что одной из существенных функций мифа является обеспечение выхода в изначальное время» [1, с. 34]. Пришвин обращается к космогоническим мифам первотворения, актуализируя тем самым в тексте своего произведения космогоническое время абсолютного прошлого: «И замирают слова человека. Безмолвие! Лес, вода и камень... Творец будто только что произнес здесь: “Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша!” И вода стала стекать к морям, а из-под нее – выступать камни»⁸.

Другая немаловажная черта мифологической структуры – игра на стыке реальности и иллюзии, свободное обращение с фантастическим и чудесным. Так, например, в тексте рассказа Е. Замятина «Кряжи» присутствуют мифологические персонажи – идолице, шишига, змей, выполняя роль семиотических мостов между

реальностью и вымыслом, не становясь чужеродными элементами в тексте произведения.

Север для М. Пришвина – загадочное пространство: одновременно и топографически-реальное, и мифологически-сказочное. Сказочная основа мифа то и дело проступает в повествовательной ткани его произведений, созданный автором природный мир наполнен стихией чудесного. Это можно наблюдать в очерке «За волшебным колобком», само название которого уже отсылает к сказочной поэтике: автор с самого начала указывает, что он, «как в сказке, шел по Северу за волшебным колобком». И в очерке «В краю непуганых птиц» подобных вкраплений чудесно-сказочных элементов достаточно, например, лесная избушка полесника «ничуть не уступает избе Ягинишны»⁹, а на охоте, когда стемнеет, «зашумят деревья, поднимется вся лесовая сила», острова на Выгозере кажутся могилами, потому что всем знакомы поверья о зарытых в них кладках. В текст повествования то и дело вплетаются предания, например о появлении панов на Севере, различные народные верования в лесовиков, водяников и домовых или предание о струе чистого серебра в пещере Серебряной горы, которую теперь никто не может найти.

Стихия чудесно-сказочного у М. Пришвина составляет сущность его мифоцентризма и раскрывается главным образом в сюжете или во внесюжетных вкраплениях: различных преданиях, приметах; у Е. Замятина же в большей степени мифологизируется изображение внешнего природного мира. Можно сказать, что замятинский мифологизм – это в гораздо большей степени, чем у М. Пришвина, стилистический прием и выстроенная определенным способом система образов, когда мифологичны не вещи и явления, а метод их изображения, у М. Пришвина же мифологизм – это прежде всего авторская, мировоззренческая

⁴Замятин Е.И. Избранное. М., 2009. С. 77.

⁵Там же. С. 79.

⁶Там же. С. 84.

⁷Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 67.

⁸Там же. С. 10–11.

⁹Там же. С. 46.

основа, общая линия понимания вещей. При этом у обоих писателей мифологизм, безусловно, является обобщающим качеством всей художественной системы произведений, посвященных Северу. Эту особенность можно проиллюстрировать, сравнив пейзажные зарисовки обоих авторов, которые, казалось бы, пишут об одном и том же пространстве Севера с его суровым для человека климатом; но Север видится этим писателям по-разному, несмотря на общую для них глубинную мифопоэтическую основу.

Так в повести «Север» Е. Замятин описывает наступление весны: «В черном небе все шире заря малиновой лентой. На дне синих ледяных пещер – алые огни, торопливая работа идет на дне: куют солнце. Розовеет снег, уходит вглубь мертвая синева, может быть – немного еще – и улыбнутся розовые губы, медленно поднимутся ресницы – и засияет лето...»¹⁰.

Пробуждение северной природы после длительной полярной ночи нарисовано писателем в этом отрывке подчеркнуто контрастными красками: черное – малиновое, синее – алое. В нем присутствуют мифологические в своей основе отголоски верований о том, что, пока солнца не видно длительной полярной ночью, его заново куют в загробном мире, где оно было надолго спрятано. А пробуждение природы видится автору как мифическое пробуждение спящей красавицы.

Пейзажи Е. Замятина в повести «Север» динамичные, многоцветные, антропоморфичные, в них много звуков и запахов. Такое зримое, конкретно-вещественное изображение природы, возможно, является следствием восприятия автором мифа как генетической основы современной ему реальности, при котором исключаются абстрактные категории, не свойственные мифологическому мышлению. Эти экспрессивные картины природы иллюстрируют подчеркнуто чувственное, глубоко языческое восприятие мира писателем.

Совсем иначе видится северная природа М. Пришвину: «Путь мой лежал по краю лесов у моря. Тут место борьбы, страданий. На одинокие сосны страшно и больно смотреть. Они еще живые, но изуродованы ветром, они будто бабочки с оборванными крыльями. Но иногда деревья срастаются в густую чашу, встречают полярный ветер, пригибаются в сторону земли, стонут, но стоят и выращивают под своей защитой стройные зеленые ели и чистые, прямые березки. Высокий берег Белого моря кажется щетинистым хребтом какого-то северного зверя»¹¹.

Пейзажи М. Пришвина аскетично-правдивы, психологичны, краски, как правило, приглушены, автор, не раз побывав на Севере, душой и сердцем почувствовал скупую, суровую красоту и неповторимость северной природы. Не каждый может это прочувствовать, но кто смог полюбить ее, для того она навсегда останется прекрасной. Сравнение пейзажных зарисовок Е. Замятина и М. Пришвина показывает, как по-разному свое мифологическое видение Севера эти писатели воплощают в образной системе своих произведений.

Среди других признаков, идентифицирующих миф, может быть выделено тождество означающего и означаемого, имени и вещи. В мифе слово сущностно, имя содержит информацию о его носителе, выявляет сущностные черты образа, выступает транслятором знания. В. Топоров считал, что «в мифах содержится понимание имени как таинственной сущности или же того, что в-кладывается, на-лагается»¹². У Е. Замятина в его северных рассказах принцип создания образов персонажей подчинен мифологическому принципу онтологизации имени: герой делает то, что семантически означает данное ему имя. Например, Марей (от «мара» – мечта, наваждение) все силы тратит на то, чтобы воплотить в жизнь мечту об огромном фонаре, Корторма (от «корторма» – наем, аренда) живет по «двойной бухгалтерии».

¹⁰Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина // Рукописные памятники. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 470.

¹¹Пришвин М.М. За волшебным коловком... С. 80.

¹²Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: энцикл. М., 1980. Т. 1. С. 508.

Перемена одежды человека в мифе связана с инициационной обрядностью и маркирует перемену его сущности; этот мотив встречается у Е. Замятина: когда Пелька отправляется к Кортومه, она меняет свой привычный наряд на новое зеленое платье, подаренное Кортомой, а когда Цыбин собирается ехать за новой елой, он надевает ни разу не стиранную рубаху.

При описании внешности или поведения героев, близких природе, оба писателя неизменно прибегают к сравнению с животными, птицами. М. Пришвин пишет, что на Севере люди живут, «как птицы у берега моря»¹³, неоднократно сравнивает народ с тюленем: «...Из моря на желтый берег выползли черные бородатые люди, неподвижные, совсем как эти беломорские тюлени, когда они выходят из воды погреться на берег»¹⁴. У Е. Замятина в рассказе «Африка» яркая портретная примета Фёдора Волкова – «глазки нерпичьи», надоедливый Пимен сравнивается с комаром, Иван Скитский выглядывает «мышью из норы». По наблюдениям Ю.В. Соколовой, многие образы героев повести «Север» «создаются в соответствии с принципами мифологического мышления, которому свойственно одухотворение окружающего мира и восприятие человека как органичной составляющей природного начала. Этим объясняется и особый язык повести. В его основе лежат образные поля “Человек – животный мир” и “Человек – растительный мир”. Самое обширное и функционально значимое образное поле “Человек – животный мир” обусловлено сильным экспрессивным средством языка – метафорическим переносом животное – человек» [2, с. 56–57].

Описание внешности Пельки – особенно интересный в этом отношении пример: «...Закинула рыжую голову, прямая – как из земли зеленая былка, и не щербатый пол под ногами – земля и мох, и белые корни – босые ноги – крепко в земле»¹⁵. Такая портретная характеристика

указывает на то, что этот персонаж близок природе, живет с ней в гармонии. Органичная связь с миром, *природность* Пельки будет не раз подчеркнута портретными деталями: то она, улыбаясь, покажет «беличьи зубы», то откликнется рябчику на его языке, Пелька «перекликается со всякой лесной тварью», «покорным стадом бегут за ней зелено-рыжие сестры – сосны»¹⁶. Таким природным героям интуитивно открывается чудо жизни. Для мифического сознания типично полное духовное и физическое единство с миром, без различения *природного* и *человеческого*, общего и отдельного, т. к. человек полнее реализуется, только будучи включенным в мир.

В качестве структурных мифопорождающих элементов художественной системы произведений Пришвина и Замятина могут быть выделены мифологические мотивы, создающие второй план повествования. Например, мотив *змееборчества* в рассказе Замятина «Кряжи», мотив *встречи* с существом из иного мира («Кряжи», «Африка», «Ёла»), поход в далекие страны или мотив духовного *странничества* можно обнаружить как у М. Пришвина в его очерках, так и у Е. Замятина («Африка»).

Одно из свойств мифологического сознания, которое не раз обыгрывается в тексте рассматриваемых произведений, – способность превращаться в какую угодно вещь или существо; так актуализируется идея единого источника множества элементов мира, поэтому и нет четких границ между человеком и животным, человеческим и растительным миром. И.А. Лосев писал о том, что для мифа характерно всеобщее «оборотничество», когда все связано со всем и отражается во всем: «Если есть какая-либо характерная выдающаяся черта <...> мифа и закон, по которому он живет, – это закон метаморфоз» [3, с. 67].

Примеры подобных метаморфоз можно наблюдать в тексте пришвинских произведений.

¹³Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 82.

¹⁴Там же. С. 85.

¹⁵Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина... С. 450.

¹⁶Там же. С. 461.

Внешняя видимая метаморфоза: «Вдали на одном камне что-то шевелится. Я думаю, что это морской зверь, взвожу курки и вдруг вижу, что весь этот серый большой камень поднимается и движется мне навстречу. Это человек идет...»¹⁷. Обычная поморская женка видится страннику красавицей из сказки, а старуха на почтовой станции превращается в колдунью.

У Замятина в «Африке» Фёдору Волкову Яуста ночью видится русалкой с зелеными волосами: «Да полно, Яуста ли это? У Яусты волосы – как рожь, а у этой – как вода морская, русальи, зеленые. Яуста – румяная, ражая, а эта – бледная с голубью, горькая. Или месяц весенний заневодил зелено-серебряной сетью ту, дневную?»¹⁸

Мифопопозвательные возможности текста раскрываются в особой синкретичности пространства той модели мира, в которой обитают мифологически-природные герои М. Пришвина и Е. Замятина. Природа в этом мире не просто живая, она живая по-человечески; олицетворения почти всегда антропоморфичны: «лес посылает навстречу елочки», сосны «перешептываются», «водопад живет какою-то бесконечно сложной собственной жизнью», «холодное северное море лежит теперь тихое, прекрасное, как обрадованная печальная девушка...»¹⁹. У Е. Замятина: «речка Тунежма “баюкает, старинки сказывает”»²⁰, «месяц юркнул в темную норь»²¹, «быстро неслась осень на совиных крыльях»²², «садились солнце за Унжу, как дед на завалинку, поглядывало на молодых стариковски-ласково»²³ и т. д.

В таком мифологическом пространстве онтологическая неразделенность человека и внешнего мира в пространственно-временном плане

создает особую синкретичность объективного и субъективно-личностного. Это глубинно-мифологическое чувство гармоничного единства существует, лишь когда человек живет на лоне природы, – при развитии цивилизации оно утрачивается. Проблема *цивилизации и природы*, гибели природы под напором стремительно развивающейся цивилизации – одна из ключевых в творчестве и Замятина, и Пришвина.

Идея истинного выражения жизни как всеединства может быть выделена как одна из основных для мифологического сознания М. Пришвина. Такому сознанию свойственна невыделенность человека из окружающего природного мира: весь мир воспринимается как единый живой организм. Логика повествования оказывается подчиненной общим законам мифологического мышления, поэтому природа в произведениях Пришвина не есть нечто отдельное от человека – все обретает свой истинный смысл только во взаимозависимости. Вот почему именно Русский Север становится для Пришвина особой страной, ведь там «люди не отличаются от природы»²⁴. Это единство было важно для писателя, к нему он стремился сам, находясь в поисках страны «без имени, без территории». Поэтому в художественной ткани его произведений все живет, дышит, взаимодействует, существует в одном временно-пространственном ритме: «Перед самым домом моего хозяина спит на колях огромный невод, спят шкуры морских зверей, спят длинные сухие рыбы. Подальше к морю улеглись, повернувшись спиной наверх, лодки, у самой воды свесился неизменный черный крест. Там сидит старик с огромными плечами, будто выбитый холодным морем каменный

¹⁷Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 92.

¹⁸Замятин Е.И. Избранное... С. 77.

¹⁹Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 97.

²⁰Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина... С. 448.

²¹Там же. С. 454.

²²Там же. С. 463.

²³Замятин Е.И. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2011. С. 532.

²⁴Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 3.

истукан. Он такой неподвижный и спокойный, что даже белая птица на кресте не боится его, принимая за камень...»²⁵. Наступила ночь, и в природе все спит (живое или нет – неважно, ведь здесь все наполнено особой внутренней жизнью): невод, шкуры, рыбы, лодки, старик-камень – все находится в удивительной гармонии друг с другом.

Подобную взаимозависимость и взаимосвязь можно наблюдать и в замятинских северных пейзажах: «снимется белая гага, совьется – улетит белая ночь, умолкнет девушка петь»²⁶, – живая и неживая природа и человек существуют в одном временном ритме, все включено в единый космогонический контекст как единичное проявление общего. В мифе нет границ между живым и неживым – все связано друг с другом невидимыми нитями. Таким образом, философская идея всеединства и взаимосвязи может быть органично реализована в мифопоэтическом ключе, ведь в пространстве мифа нет длительности от прошлого к будущему. Гармоничная целостность мира, утраченная стремительно развивающейся цивилизацией, составляет суть мифа, отдалена от современного человека веками во временном плане или же территориально – «крепкими, дремучими лесами». И найти эту разгадку мира можно или проникнув писательской интуицией в далекое прошлое, или посетив неисследованные территории, дикие народы лопарей, оказаться там, «где сохранилась древняя Русь, где не перевелись бабушки-заворонки, Кашеи Бессмертные и Марьи Моревны. Где еще воспеваются славные могучие богатыри»²⁷.

Для мировоззрения и творческой философии Е. Замятина важна была идея синтетизма, жажда единства мира. Некоторые исследователи связывали эту идею с сосуществованием в творчестве писателя двух противоположных линий – утопической и антиутопической: ранние произведения писателя («Уездное», «На куличках»,

«Алатырь») и его «английские» повести созданы в сатирическом ключе, тогда как северные рассказы ориентированы на утопический национальный миф. Литература, по Е. Замятину, – воплощение идеи синтетизма, соединение «элементов всех искусств: в композиции – архитектура, в типах – резец, в пейзаже – краска, в стихе – музыка, в диалоге – театр»²⁸.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим следующее: в произведениях как М. Пришвина, так и Е. Замятина структурно-семантические компоненты, взаимодействуя, складываются в определенную художественную систему, ориентированную на мифопоэтическую традицию. Мифопоэтические элементы в ней могут проявляться на различных уровнях структуры текста: в сюжетно-композиционной организации произведения или в пространственно-временном плане, на уровне авторского присутствия или образной системы. Писатель мог прибегать к реконструированию мифологического мышления – особого способа постижения мира, с помощью которого создается мифопоэтическая модель мира со свойственным ей пространственно-временным континуумом и наличием в тексте мифологем. Мифологизм проявляется как в обращении к архаике, так и в мифологизации современных жизненных явлений и ситуаций, если они актуализируются в тексте произведения при помощи категорий мифологического мышления. Причем, по наблюдению В. Руднева, в качестве такого мифа, «подсвечивающего» сюжет, ситуацию, персонажа, может выступать не обязательно мифологический текст, но и, например, бытовая мифология или исторические предания. Это можно наблюдать и в очерковых произведениях М. Пришвина, и в рассказах о Севере Е. Замятина.

Мифотворчество Пришвина, по мнению Н.В. Борисовой, непреднамеренно стихийно, в этом плане оно близко мифотворчеству

²⁵Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 91.

²⁶Замятин Е.И. Избранное... С. 75.

²⁷Пришвин М.М. За волшебным колобком... С. 79.

²⁸Замятин Е.И. Москва – Петербург // Замятин Е.И. Я боюсь. М., 1999. С. 193.

Г.Г. Маркеса, которому был свойственен имплицитный мифологизм.

На основании проведенного анализа произведений приходим к заключению о том, что мифологизм Е. Замятина – это скорее художественный прием, осознанная реконструкция автором мироощущения, основанного на неявных ориентациях на бессознательный мифологизм. Говоря другими словами, если М. Пришвин органически переживает миф, это его способ освоения и познания мира, то Е. Замятин реконструирует мифологическое сознание.

У М. Пришвина источником мифологизма становится обращение не только к фольклорному пласту народной культуры, в т. ч. к сказке, но и к древнейшим космогоническим мифам (например, в очерке «В краю непуганых птиц» встречаются элементы мифов о происхождении мира, космоса и хаоса), к мифам о «золотом веке». Миф Пришвина космогоничен: при всей напряженной субъективности повествования в центре изображения – всегда окружающий природный мир, а глубинное авторское Я становится основой Всеединства.

У Е. Замятина миф более антропоцентричен. В своем художественном творчестве он разрабатывал сложнейшие формы орнаментального повествования, это во многом объясняется идейной установкой писателя, глубоко убежденного в том, что основное внимание художник должен уделять не своеобразию сюжета, а языковому мастерству. В качестве способа изобразительности Е. Замятин в своих теоретических работах призывал синтезировать фантастику и быт, эта идея им не только теоретически обосновывается,

но и реализуется в художественном творчестве. В произведениях северного цикла подобной «фантастикой» и стали мифопоэтические элементы. Идея синтетизма, как обозначал ее сам писатель, или диалогизма, как называли ее исследователи творчества Евгения Ивановича (например, М.А. Хатямова), становится той философской основой, из которой вырастает вся художественная система его произведений. «Уже в творчестве Замятина 1910-х годов происходит становление мифопоэтической картины мира (“все во всем”), с идеей тождества быта и бытия, сознания и реальности, метафоричностью текста и изоморфизмом» [4, с. 50]. Мифопоэтическая модель художественного мира Замятина основана на метафоризации, мифологическом хронотопе, особой структуре субъективно-авторской организации. Интерес Замятина к мифу был вызван, с одной стороны, стремлением преодолеть «локальный» историзм и выйти к более широким обобщениям, что, в общем-то, было характерно для всего литературного процесса начала XX века, с другой стороны, в содержательно-философском плане мифологизм прекрасно сочетался с замятинской идеей синтетизма, и наконец, поэтические структуры, так называемые интегральные образы орнаментальной стилистики Замятина, во многом отображают строй мифического мышления. Внешне повествовательная ткань наполнена впечатлениями реального мира, но все время за ней мерцает внутренняя мифопоэтическая подкладка, расцветивающая реальный мир смысловыми оттенками-полутонами, придавая тем самым его произведениям многоплановость.

Список литературы

1. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии: пер. с англ. М., 1996.
2. *Соколова Ю.В.* Образные поля в повести Е.И. Замятина «Север» // Рус. яз. в школе. 2012. № 1. С. 56–57.
3. *Лосев И.А.* Миф и религия в отношении к рациональному познанию // Вопр. философии. 1992. № 7. С. 67.
4. *Хатямова М.А.* Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М., 2008.

References

1. Eliade M. *Mify, snovideniya, misterii* [Myths, Dreams and Mysteries]. Moscow, 1996.
2. Sokolova Yu.V. Obraznye polya v povesti E.I. Zamyatina "Sever" [Image Fields in E.I. Zamyatin's Novel *North*]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2012, no. 1, pp. 56–57.
3. Losev I.A. Mif i religiya v otnoshenii k ratsional'nomu poznaniyu [Myth and Religion in Relation to Rational Knowledge]. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 7, p. 67.
4. Khatyamova M.A. *Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy treti XX veka* [Forms of Literary Self-Reflection in the Russian Prose of the First Third of the Twentieth Century]. Moscow, 2008.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.126

Pospelova Olga Vladimirovna

Institute of Philology and Cross-Cultural Communication,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
7 Smol'nyy Buyan, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: kary17@yandex.ru

ELEMENTS OF MYTHOLOGISM IN THE WORKS OF M. PRISHVIN AND E. ZAMYATIN ABOUT THE RUSSIAN NORTH

The article analyses the elements of mythologism in the works by Mikhail Prishvin and Evgeny Zamyatin, the creators of the Northern text of Russian literature. The author of this article turns to Prishvin's essays *In the Land of Unfrightened Birds* (1907) and *The Bun* (1908) and Zamyatin's novel *North* (1918) and short stories *Ridges* (1915), *Africa* (1916) and *Yola* (1928). The structure of these works in many respects resembles the mythological structure due to the transformation of linear time into the cyclic one; special syncretism of space; elements of the fantastic and miraculous; mythological principle of creating images of the characters; presence of mythological motifs and mythologems in these texts. The analysis of the mythopoetic elements led to the conclusion that the use of these elements perfectly matches the philosophical idea of all-unity valued by Prishvin. Prishvin's mythmaking is a special way of understanding the world, whereas Zamyatin reconstructs mythological consciousness; his mythologism is mainly a literary technique allowing Zamyatin to implement the idea of synthesis developed by him in his theoretical works. The mythopoetic model of Zamyatin's artistic world is based on metaphorization, mythological chronotope, and a special structure of subjective author organization. Mythopoetic elements appear at various levels of text structure in the works under study: plot and composition, time and space, as well as at the level of author's presence or in the system of images. The mythopoetic nature of many elements of Prishvin's and Zamyatin's artistic worlds is discussed here as a kind of an integrating factor since it is mythologism that largely contributes to the creation of a unique artistic system in the works of these writers. This research is the first attempt to compare Prishvin's and Zamyatin's works within the study of the Northern text of Russian literature as a local supertext.

Keywords: *mythologism, mythological structure, ontologization of name, the law of metamorphosis, syncretism of space, all-unity, syncretism.*

Контактная информация:
адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7;
e-mail: kary17@yandex.ru